

*Я не участвовал в войне,
война участвует во мне.*

Юрий Левитанский

Находясь вдали от своей малой Родины, я с большим интересом собираю всё, что связано с историей родного города Орла. В годы войны отчие края два года находились в оккупации. Битва за освобождение Орла принесла ему наименование города Воинской славы и города Первого салюта. Нелёгкок был путь к этой славе. От первого до последнего дня вражеского нашествия мои родные и близкие провели бок о бок с оккупантами и смогли достойно выстоять. Осталось в памяти множество случаев, рассказанных представителями старшего поколения о противостоянии, о ненависти к захватчикам, о надеждах на освобождение. Один эпизод этих драматических событий передаётся из поколения в поколение нашей семьи. Настало время вспомнить ту июльскую ночь из многих сотен военных ночей. Но участников и свидетелей разы-

гравшейся драмы, к сожалению, уже нет с нами, осталась только память о трагических событиях и мужестве наших людей.

История улицы Верхней Пятницкой нашего города волею случая переплелась с историей лётного экипажа сбитого советского самолёта ИЛ-4. Трагедия произошла на исходе дня 5 июля 1942 года. Сейчас это событие отражено в названии одной из улиц на окраине, в разные годы были газетные публикации. К бабушке, Екатерине Николаевне Плынской (1899–1978), на Пятницкую в своё время дважды приходили корреспонденты. Этот героический случай описан в документальной повести Матвея Мартынова и Аркадия Эвентова «Подпольный госпиталь». В одной из старейших школ нашего города № 35 создан небольшой музей, в котором имеются стенд и некоторые документы, посвящённые расстрелянному советскому ночному бомбардировщику. На Военском братском кладбище пилотам установлены новые замечательные памятники, за что отдельное спасибо администрации города.

Однако, сверяя всё ранее написанное с рассказами бабушки, матери и тётушки, я не нахожу некоторых подробностей, которые являются важными деталями для описания общей картины произошедшего. Воспоминания дорогой тётушки Раисы Алексеевны Мишуниной, в девичестве Плынской (1927–2018), я записал на диктофон, она была два года назад единственной свидетельницей этого чрезвычайного происшествия из всех своих сверстниц, проживающих в городе. В военную пору ей стукнуло пятнадцать лет. Привожу её рассказ.

Наш дом на Верхней Пятницкой располагался по левой стороне улицы, сады и огороды её жителей выходили на большое поле. Это была окраина, которую на восточной границе города пересекает ветка железной дороги, идущая от Москвы на юг. Там же, рядом с Духовной семинарией, находится железнодорожная станция «Семинарская», или «Семинарка», как её называют в народе. Она располагалась на другой, Риго-Орловской ветке, ведущей с востока на запад и связывающей восточные районы России с портами Балтийского моря. Вот по этой захваченной ветке немецким войскам было очень удобно доставлять грузы из Германии на фронт и снабжать свои передовые части всем необходимым. На перекрёстке двух железных дорог скапливалось большое количество немецких военных эшелонов. Обрато по этой дороге на запад, в Германию, увозили награбленное, угоняли пленных и молодёжь, транспортировали своих раненых. Орёл был для оккупантов одним из крупнейших перевалочных железнодорожных

узлов в центре России. На июль сорок второго за девять месяцев своего пребывания гитлеровцы прочно обосновались в городе. Отсюда они планировали новое наступление на Москву и тщательно к этому готовились.

На Пятницкой по домам были расквартированы их отдельные части, имевшие в своём составе автомобильную и боевую технику, т. к. улица очень широкая, боевые машины удобно парковать под окнами своего места пребывания. Захватчики избирательно занимали самые приличные дома. Наш дом попал в эту категорию, и моих родных всем семейством выгнали сначала во вторую половину дома, а затем в дощатый сарай во дворе.

Июль сорок второго года. Старинные сады изрядно потрепала война, много плодовых деревьев было спилено немцами на дрова в холодную зиму сорок первого. Кору яблонь обглодали огромные немецкие лошади, которых представители нового порядка загоняли в сады и привязывали прямо к стволам. Наш сад сажал мой прапрадед, однодворец Егор Никанорович Перелыгин (1845–1918) в давние времена. Сад заканчивался огромным огородом, всё вместе соток на пятьдесят. На огороде сажали овощи и самое главное — картошку. Её сажали много, это было основой выживания и в мирное время, и особенно в войну. В том далёком июле ботва на бороздах была уже высокой. На всём протяжении нашей стороны улицы, а это более километра, сплошные сады и огороды составляли приличный зелёный массив с картофельным полем, обращённым в сторону «Семинарки». Об этом пишу не случайно.

В достопамятный вечер откуда-то с юго-востока послышался монотонный звук, который перерос в рокот моторов. Моментально вспыхнули вражеские прожекторы и стали шарить по чёрному небу. Наше семейство высыпало из сарая в сад, только моей тётушке, которая была самой младшей, бабушка строго запретила выглядывать наружу. Шум моторов нарастал, самолёт вынырнул из-под чёрного савана облаков, чтобы бомбить станцию. По шуму моторов его быстро обнаружили немецкие прожектористы. Они стояли вместе с зенитчиками неподалёку от «Семинарки», охраняя её и весь Орловский железнодорожный узел. Здесь скопилось большое количество эшелонов. Самолёт оказался над полем, совсем рядом с Пятницкой слободой.

Зенитки беспрестанно грохотали. Одна из серий выстрелов стала всё-таки роковой для советского самолёта и его бесстрашного экипажа. Он загорелся и стал терять высоту. Через несколь-

ко секунд в лучах внезапно раскрылись парашюты. Эти зонтики и люди, висевшие под ними, были видны как на ладони. В этот момент раздался сильнейший взрыв, земля покачнулась и вздрогнула, в небо взметнулся столб огня. Это упал совсем рядом бомбардировщик. Прожекторы вздрогнули вместе с землёй и потеряли из видимости два зонтика, но два оставались в их лучах. Началась кровавая охота на живых людей. Их расстреляли в воздухе, и они упали в ночную темноту, как в бездну.

Стрельба прекратилась, стало непривычно тихо. Зарево догорающих останков самолёта полыхало, как громадный костёр, проникая сквозь ветви яблонь и груш соседнего сада. Были слышны крики немцев, которые бросились к месту падения крылатой машины. Туда же кошкой бесшумно метнулся и младший сын бабушки, семнадцатилетний Николай Алексеевич Плынский (1925–1992), пользуясь тем, что старшие были потрясены и находились в оцепенении. Ведь всю эту трагедию, произошедшую на их глазах, они переживали в полном молчании, боясь произнести даже слово. Бабушка рассказывала нам об этом после войны через много лет со слезами на глазах. Могу сказать, что и писать об этом так же нелегко, невольно начинаешь представлять себя на месте экипажа. Далее события этой трагедии стали развиваться одновременно по трём сценариям, ровно так, как разделило провидение героический экипаж ночного бомбардировщика. Вначале воздадим должное павшим, расстрелянным в воздухе.

После увиденного люди долго не могли прийти в себя, бабушка и наша соседка, Матрёна Петровна Душевина, которая также была свидетельницей воздушного побоища, весь остаток ночи молились перед образами, а ранним утром вместе с членами нашей семьи пошли к месту катастрофы. Разбившийся самолёт находился совсем рядом, метрах в двухстах от их домов в конце огорода ближе к железной дороге.

Когда они приблизились, его обломки местами ещё дымились, подходить к нему было страшно, он весь обгорел и был искорёжен. Вокруг деловито сновали немцы и не подпускали людей близко к останкам машины. Они снимали с неё пулемёты, оставшиеся детали и приборы, а также всё, что можно было свинтить, открутить и унести. Ничто не должно пропадать даром, это была их добыча, боевой трофеей. Настроение у них было хорошее, и они не разгоняли прибывающий народ, но держали всех поодаль. Неподалёку, метрах в ста от катастрофы, зияла огромная воронка. Все говорили, что это от бомбы, которую нёс самолёт.

Поодаль от воронки на зелёной полянке полукругом стояла группа людей, к ней и подошла бабушка вместе с соседкой и дочерью. Здесь же они заметили немецких часовых. На земле неподвижно лежали рядышком два молодых человека в военной форме советских лётчиков, они были мертвы. Один из них был худой и совсем молоденький, почти мальчишка, лицо его было сплющено, что вызывало невероятную жалость и сострадание. Смотреть на ребят без содрогания было нельзя. Они были одеты в лётные комбинезоны, кожаные шлемы и сапоги. Женщины безутешно разрыдались, мужики, молча и неуклюже стоявшие рядом, курили махорку, не пытались их успокаивать. Между собой одни поговаривали, что немцы не попали в лётчиков, а пробили парашюты, и они разбились при падении с большой высоты. Другие толковали, что лётчики не смогли выпрыгнуть и разбились вместе с самолётом. Но почему тогда не обгорели? Следов пуль и крови на телах не было видно. Но теперь всё едино — погибли.

Солнце стояло уже высоко, народ из близлежащих улиц и со всего города стал подтягиваться на место катастрофы. Нужно было что-то делать с телами погибших. Зная свирепость шефа тайной полевой полиции фашистов (Geheimnis Feld Polizei) Бено Кукавки, орудовавшего тогда в Орле, никто не решался взять на себя инициативу, побаивались даже приближаться к лежащим лётчикам. Ну, мало ли что может после этого произойти.

Вокруг двух неразлучных соседок — Матрёны Петровны Душевиной и нашей бабушки, Екатерины Николаевны Плынской — собрались знакомые из близлежащих домов слободы, решая, как быть в этой непростой ситуации. Боль и сострадание, православная вера, её каноны оказались сильнее страха перед оккупантами. Осмелев, женщины подошли к немцам с просьбой разрешить похоронить воинов на близлежащем Афанасьевском кладбище, как положено по-христиански. Нижние чины, соблюдая субординацию, доложили об этой просьбе своему старшему по званию и положению начальнику. Тот отрицательно и строго покачал головой в чёрной фуражке и запретил хоронить лётчиков на кладбище. Он также запретил изготавливать и хоронить воинов в деревянных гробах.

Тогда было решено подобрать хорошее место неподалёку. Поблизости виднелись ряды красивой акации с ярко-зелёной густой листвой, которые росли за нашим и Матрёны Петровны огородами. Её все ласково и сокращённо называли тётей Морей, и она добродушно отзывалась на это имя. Матрёна Петровна пережила войну. Спустя много лет от тётки — Раисы Алексеевны Мишунь-

ной, хранительницы семейных преданий, я узнал, что ещё до вражеской оккупации, во время налёта фашистской авиации на Выгонке, в другом районе города, бомбой убило её дочь и внучку. Она как-то тихо, смиренно переносила эти страдания, и мы, послевоенные дети, даже ничего об этом не знали. Она скрывала эту душевную боль. В её саду, рядом с нашей межой, росла огромная груша, и баба Моря всегда щедро угощала её плодами детей и взрослых. Она осталась в нашей памяти с этим необычным именем, светлым и добрым человеком, ласковая и просто святая старушка.

В тот скорбный час Моря — так звали Матрёну Петровну — позвала мужиков и сказала им рыть в тени под акациями могилу. Бабушка велела дочерям Вере и Рае нарвать в саду цветов, принести чёрные косынки и белые покрывала и икону. Тётя Моря принесла из своей небогатой избушки домотканые полосатые половички, которые она потом положит на дно могилы, чтобы не класть убиенных ратников на сырую землю.

Молва о сбитом самолёте и погибших лётчиках, как молния, быстро разлетелась по нашему небольшому городу. К моменту похорон собралось огромное количество народа. Люди даже вытоптали посеvy проса на нашем огороде. Вскоре могила была готова, принесены все скромные похоронные атрибуты. Баба Матрёна распорядилась подносить тела к месту захоронения. Мужчины подняли тела на руки. Траурное шествие, если можно таковым его назвать, было недолгим, всего-то полтора саженей. Немцы со стороны наблюдали за происходящим, но не вмешивались и, главное, не препятствовали. По словам тёти Раи, Моря сама спустилась в могилу и заботливо разложила две свои полосатые попонки. Затем в могилу прыгнули мужики, приняли и осторожно положили лётчиков на Матрёнину «постель». Бабушка передала им покрывала, тела накрыли белым саваном, женщины прочитали молитву за упокой. В могилу стали по обычаю бросать горсти чёрной, как уголь, орловской земли, которая навеки приняла славных сынов отечества, сложивших головы за её свободу. На небольшой могильный холмик было уложено множество полевых цветов.

На другой день по русскому обычаю проживающие жители Пятницкой, из тех, кто был посмелее, подходили к могилке, пришла и вся женская половина нашего семейства с Матрёной Петровной. Множество вчерашних цветов быстро завяло на невыносимой жаре, их надо было убрать, нарвать и поставить новые. Этим и озаботились моя будущая мать и будущая тётка. Затем

Ашихмина потребовала немедленно сесть за стол и самому написать историю лётчиков. Идея показалась нереальной, но была жива моя тётка, которая хранила в своей памяти многие детали жизни в оккупированном городе. Это послужило толчком к работе. После кропотливых поисков в интернете мной была обнаружена карточка военнопленного с фамилией Варламов. Из этой карточки следует, что он был схвачен немцами 10 июля 1942 года. Это произошло на пятый день после падения самолёта. Если восстановить всю цепь событий, то выходит, что командир, находясь в парашюте, ускользнул от луча немецкого прожектора, приземлился и правильно произвёл ориентировку. Он пошёл на север, там в шестидесяти километрах проходила линия обороны советских войск. На востоке от Орла этот рубеж проходил более чем в ста километрах, идти туда было нецелесообразно.

Однако при переходе линии фронта под городом Мценском лётчик Варламов был схвачен фашистами. Больше месяца его доставляли в концлагерь в городе Лицманштадт в Польше.

Часть этого лагеря была определена для пленных лётчиков. Немцы предполагали вербовать пленных пилотов на службу в люфтваффе, осторожно относились к представителям этой профессии, условия в этом лагере были сносными по сравнению с другими лагерями. Заключённые работали на местном аэродроме. Лагерный номер пленного старшего лейтенанта Б.Г. Варламова был

<p>1. Name: <u>Варламов</u> Фамилия</p> <p>2. Vornamen: <u>Борис Григорьевич</u> Имя</p> <p>3. Geburtstag: <u>17.11.1916</u> День рождения</p> <p>4. Geburtsort: <u>Симбирск</u> Место рождения</p> <p>5. Lager: <u>Лица при авиации</u> Литер: <u>Кriegsgefangenenlager 2 d. Lw.</u></p> <p>5a. Im Lager eingekleidet am: <u>16. VII 42</u> Доставлен в лагерь (число)</p> <p>6. Dienstgrad: <u>Стр. 1-го</u> Звание</p> <p>7. Truppenteil: <u>48 авиационный</u> Воздушный отряд <u>№ 48</u></p> <p>8. Nr. der Erkennungsmarke des deutschen Lagers: <u>654</u> Понятный номер в германском лагере</p>	<p>9. Vorname des Vaters: <u>Григорий</u> Имя отца</p> <p>10. Name der Mutter: <u>Александра Ивановна</u> Имя матери <u>Александра Марковна</u></p> <p>11. Anschrift der nächsten Angehörigen: <u>Краснохолмский ави.</u> Адрес ближайших родственников <u>Савинский р-н,</u> <u>Квашкин, Варламово</u> <u>(Варламовы О.)</u></p> <p>12. Beruf: <u>Металлург</u> Профессия <u>Металлург</u></p> <p>13. Wann und wo gefangen: <u>10. VII 42</u> Когда и где пойман в плен <u>Лицманштадт</u> <u>Мценск</u></p> <p>14. Nr. der Erkennungsmarke des eigenen Truppenteils: <u>№ 10</u> Матрикл.-№. Номер в собственной части <u>с/м 10</u></p>
--	--

Карточка военнопленного лётчика Варламова Б.Г. Концлагерь люфтваффе Лицманштадт. Из открытых интернет-источников

Через 73 года после гибели лётчиков
тётюшка Раиса Мишунина. Фото автора

654, но более ничего не известно. После войны город Лицманштадт был переименован поляками в город Лодзь. До сих пор дальнейшая судьба нашего героя неизвестна. Нужно продолжать поиски.

Имена погибших и безымянно похороненных лётчиков нам назвали писатели М. Мартынов и А. Эвентов в 1964 г. Это были штурман, старший лейтенант Абрамов Василий Иванович и стрелок, младший сержант Соколов Александр Владимирович. Их прах будет перенесён с нашей улицы на Троицкое братское воинское кладбище к двадцатилетию Победы в 1965 году. Теперь они будут навечно вместе.

По инициативе писателей на собрании жителей улицу Ливенский переулок переименовали в честь погибших пилотов.

Другая судьба постигла четвёртого члена экипажа сбитого бомбардировщика, стрелка-радиста Гомзикова Александра Дмитриевича. Его парашют немцы тоже выпустили из луча прожектора в тот момент, когда содрогнулась земля от рухнувшего самолёта

Мемориальная доска
на улице в Орле

вместе с бомбой. Это спасло ему жизнь. По свидетельствам членов нашей семьи старший сержант Гомзиков смог доползти к высокой картофельной ботве на нашем огороде, где вырыл небольшое углубление между бороздами и, лёжа, спрятался там. Стояла тёмная ночь, и фашисты не смогли обнаружить его. Долгое время немцы искали его парашют в садах и близлежащих окрестностях. А на самом деле брат моей мамы Николай, удравший от оцепеневших родных, в темноте наткнулся на парашют и самого приземлившегося лётчика. Парашют юноша свернул и догадался спрятать его не в сарае (где проживала наша семья), а в доме, занятом немцами, но в тот момент пустовавшем — все они бросились к месту падения самолёта. Николай заметил место, где нашёл своё укрытие уцелевший пилот, и стал его подкармливать по ночам. В эту тайну была посвящена бабушка, собиравшая продукты.

Однако сержант Гомзиков решил найти место для укрытия надёжнее. Он понял, что в нашем и соседних домах проживают немцы. Под покровом ночи ему удалось переползти подальше от места падения самолёта через несколько огородов. Александр осторожно постучался в дом. Вышел испуганный мужчина, и лётчик попросил спрятать его. Это был хозяин дома, местный житель по прозвищу Косариков, который плотно закрыл воина в погребе, но бесстрашный сержант не мог предположить, что этот боязливый Косариков окажется полицаем. В скором времени предатель доложил фашистам об укрывающемся у него лётчике. При захвате Гомзиков оказал сопротивление, был ранен автоматной очередью в спину и потерял сознание.

По указанию начальника немецкой военной разведки Фрица Ширмана он был доставлен на подводе в орловскую тюрьму для допроса. Но ранение было настолько серьёзным, что пленный не приходил в сознание. Тогда начальник разведки распорядился доставить лётчика в «русскую больницу» для того, чтобы врачи его «побыстрее оживили» для допроса. Из показаний сбитых лётчиков немцы узнавали места базирования советских аэродромов и военных баз, чтобы потом производить налёты.

Про орловскую «русскую больницу» нужно рассказать подробнее. Орёл был захвачен гитлеровцами внезапно², и эту боль-

² Орёл был захвачен 3 октября 1941 года 4-й танковой дивизией 24-го моторизованного корпуса 2-й танковой группы Гудериана. 5 августа 1943 года части Красной Армии навсегда освободили Орёл. По этому поводу в Москве состоялся первый военный салют. *Прим. ред.*

ницу вместе с ранеными, больными и медицинским персоналом не успели эвакуировать. «Русской» она так называлась захватчиками и продолжала работать в условиях оккупации легально. Новые хозяева боялись инфекционных заболеваний среди населения, которое может заразить немецких солдат. Поэтому оккупационные власти разрешили работу больницы в городе.

Персонал и врачи этого медицинского учреждения вели настоящую подпольную деятельность и тайно лечили не только гражданское население, но и партизан, солдат и офицеров Красной Армии. Нередко персонал переделывал больничные карты и менял фамилии пациентов. Некоторые врачи владели немецким языком и могли умело договариваться с захватчиками. За годы оккупации врачи спасли и поставили в строй около двухсот воинов. В городе больница получила название «Подпольный госпиталь».

Врачи «Подпольного госпиталя» стали бороться за жизнь поступившего Гомзикова. У него прострелена тазобедренная кость, повреждены внутренние органы, шансы на выживание были минимальными. Военная разведка оставила в больнице своих наблюдателей. Лечение приняло затяжной характер. Желая спасти Гомзикова от цепких лап немецкой разведки и тайной полевой полиции, врачи делают лётчику усыпляющие уколы. Когда он всё-таки пришёл в сознание, они удаляют ему аппендикс, а затем вновь вводят в бессознательное состояние. Немцы стали наведываться в наш «госпиталь» реже, видимо, с течением времени информация, которую могла добыть вражеская разведка в ходе допроса Гомзикова, стала терять актуальность, раненого оставляют в покое.

Таким образом, стрелок-радист Гомзиков находился в «Русской больнице» до освобождения Орла советскими войсками в начале августа 1943 года. Здесь по версии упомянутых орловских авторов книги «Подпольный госпиталь» предполагалось, что вполне здоровый и окрепший сержант мог вернуться в ряды Красной Армии, как и другие двадцать два спасённых в госпитале лётчика, «готовых хоть сейчас подняться в небо и бить врага». На этом описание дальнейшей судьбы этого героя повести заканчивается. Появилось сообщение, что после Победы Александр Гомзиков вернулся на родину, где работал в колхозе.

В архивном документе 36-й авиадивизии было указано место жительства всего экипажа, в том числе и Гомзикова: Вологодская область, Никольский район, село Теребаево.

Однажды в Орле после разговора с моей тётушкой и её воспоминаний о войне я решил отыскать село Теребаево, чтобы узнать

подробности дальнейшей судьбы Александра Дмитриевича. Могли остаться близкие и друзья бывшего лётчика. По счастливому случаю удалось установить телефон главы Никольского района, который прислал фотографии дома ветерана. Помог также отыскать телефоны родных, дал контакты учителя школы, который организовал в селе небольшой уголок, посвящённый А.Д. Гомзикову.

Это была несомненная удача, которая могла прояснить некоторые вопросы. Они возникли в связи с разным изложением отдельных эпизодов события на окраине оккупированного Орла. Всё-таки было предательство полицаем сбитого лётчика или нет? Ни в статьях, ни в книге этот случай не описан, но мои родные об этом неоднократно упоминали в своих воспоминаниях. Из дальнейших поисков информации я выяснил, что у одной из дочерей Александра Дмитриевича — Елены находились документы, награды и личные вещи лётчика. В телефонном разговоре Елена Александровна Гомзикова поведала мне о своём отце.

Сразу после освобождения Орла за частями Красной Армии следовали войска особых частей и войск НКВД. Армия билась с врагом и гнала его дальше на запад, части НКВД занимали город, обследовали здания, учреждения, предприятия. Пришли особы и в «Подпольный госпиталь», где всех подвергли опросам и допросам, а некоторых арестовали. Был задержан также и стрелок-радист А.Д. Гомзиков. У него не было документов, требовалась тщательная проверка. У компетентных органов возникли вопросы, как воин РККА оказался в тылу врага и почему так долго тут отсиживался. Никакие доводы и объяснения, факт ранения не были приняты во внимание принципиальными сотрудниками. Для старшего сержанта Гомзикова началась настоящая вторая война.

Бывший старший сержант Гомзиков был направлен в фильтрационный лагерь под Тулой. Лагерь именовался как войсковая часть, куда собирали виновных и невинных бывших военнослужащих, оказавшихся в немецком плену, для разбирательства и вынесения им приговора. Как правило, это далёкие сибирские лагеря. Настало время определить судьбу бывшего лётчика. После пристального опроса «подозреваемого» был принят во внимание факт тяжёлого ранения, но, самое главное, спасло от сибирской ссылки местоположение его родной деревни, которая находилась в отдалённом районе Вологодской области. А.Д. Гомзиков возвратился в родное село, но ещё долгое время инвалид ходил с раненой ногой отмечаться за двадцать километров в Никольский районный НКВД.

Гомзииков
Александр
Дмитриевич

Однако старший сержант стал добиваться справедливости. Просил сделать запрос через военкомат в родной полк, откуда пришёл ответ, что Гомзииков А.Д. пропал без вести под Орлом вместе с экипажем. В семью было направлено уведомление. Тогда его сняли с «учёта» в НКВД как бывшего военнопленного. Через год кончилась война, и стрелка-радиста даже представили к правительственной награде «Орден Отечественной войны II степени».

Всю оставшуюся жизнь бывший лётчик прожил в Теребаево, работал на родной земле. У него была большая семья. До войны родился сын. Жена, несмотря на похоронку, дождалась прихода дорогого человека, пусть раненого, но живого. После войны родилось ещё четверо детей.

Удалось побеседовать со второй дочерью, которую зовут Александра Александровна. На мой вопрос дочь ответила, что похоронен отец на кладбище рядом, в посёлке Кипшеньга. Она познакомила меня с учителем местной школы Кузнецовом Фёдором Фёдоровичем. Учитель сообщил, что в августе сорок первого года Александр Дмитриевич принимал участие в бомбардировках Берлина с острова Эзель в Эстонии. Ветерана все уважали, на праздниках Победы он занимал почётные места в президиуме на колхозных собраниях. О судьбе героя узнали в Москве. В восьмидесятые годы приезжала телеведущая передачи «Служу Советскому Союзу» Галина Щегрунова и записывала с Александром Гомзииковым сюжет. Фёдор Фёдорович поместил фотографию лётчика в школе и написал о нём статью в районную газету. Через некоторое время я получил от учителя большую посылку с материалами, посвящёнными Гомзиикову. Здесь были газетные статьи, копии наград лётчика, семейные фотографии ветерана.

Эти материалы я отвёз в город Орёл и передал в музей школы № 35, расположенной на улице, названной в честь погибших лётчиков Абрамова и Соколова. На встрече с учениками подробно рассказал о продолжении событий, которые развернулись на их улице в годы войны. Ещё две встречи удалось провести в Орловской областной публичной библиотеке им. Бунина и в детской библиотеке им. Пришвина, где общественность города впервые познакомилась с неизвестной стороной судьбы бесстрашных военных лётчиков, полёт которых был прерван в небе Орла.

